

му начальнику в присутствии Г. Эрна.

По мнению Молодавского и Эрна, отношение Я. Попова к списку не было столь скептически. Согласно их рассказу, Я. Попов просто познакомил их с новостью, обладателей которой он недавно стал, и пытался выяснить отношение Молодавского и Эрна к информации, которая содержалась в письме. При этом именно Эрн, познакомившись с письмом и зная, что “сего не может никогда случиться, и сообразая самой худой и неправильный слог письма сего”, донес о нем окружному начальнику.

В судебно-следственном деле содержатся 3 практически идентичные копии письма (изъятые у Я. Попова и К. Антонова, а также копия, сделанная в окружном управлении):

“Санкт-Петербург. Генваря 8-го числа 1826 года. К удивлению Цесаревича, наследовавшего российский престол Константина Павловича, когда уже я отвержен. Но нет - вынудила меня польская система быть польским и российским императором. Тогда-то вынуждено Варшаве сказано: “Ура, ура, ура! Любезныя дети! Грядю в Петербург с вами и занимаю престол российский в означенное число”. Приходя к онному, узнал, что тут царствует Николай, брат мой. Сие зависит от матушки моей Марии.

Петербург встрепетал прибытия Константина. Ни один из войска солдат не мог противоречить. Тогда-то Константин повелел: “Дайте мне виновников, сената”. И по представлении неблагочестия сего неизвестно куда удалены. Но я о их знаю. А ты, брат, потворщик сената, с матерью моею арестуешься на год. Осрамленный престол: Лишает Николая. В 10-е число преемлю престол Божий и могу даровать все-неослабную вольготу. Мария, страха сего убояся, померла.

Против Бог согрешение мое и приемлю велокодушнаго Константина. Ура, ура, ура!

На подлинном подписано: князь Лобанов”(ГАОО. Ф. 3, Оп. 13, Д. 17813, Л. 6-об., 18-19).

Данный текст не является чересчур оригинальным с точки зрения развития легенды о Константине. В ней так или иначе присутствует ряд моментов, характерных в целом для “константиновской” версии легенды. Это незаконный характер отстранения Константина и восшествия на престол Николая; негативная роль царской матери - Марии Федоровны - и сената в отстранении Константина; стремление Константина дать какие-то социальные льготы и гарантии (“воля” для крепостных Европейской России; менее определенная “вольгота” в нашем сибирском варианте). Все это позволяет предполагать, что тарская версия является местным вариантом общероссийской “константиновской” легенды. Правда, пасквиль повествует о смерти от страха Марии Федоровны, в действительности скончавшейся 24 октября 1828 г. (ее реальная смерть породит слухи о том, что Мария Федоровна со своей смертью унесла “согласие царской фамилии”, и теперь Константин Павлович наверняка выйдет из повиновения своему брату - Николаю).

Происшествие в Таре не произвело большого общественного резонанса. Тем не менее, многие горожане и даже жители округа слышали о пасквиле. Как сообщал в своем донесении от 22 февраля тарский земский исправник, “между чернию начали

происходить между тем различныя суждения и толки, но отнюдь не было слышно, чтобы поколебалась преданность народа к особе Государя Императора”. Однако некоторые крестьяне, а особенно местные татары “из произшедших по сему случаю толков выводили заключение, что сбор денег на земския повинности отменен и подати сложены, от чего было и сбор приостановился”. Земский исправник должен был самолично, а также через волостных начальников делать пристойные внушения в опровержение “всех нелепых толков”.

В ходе следствия обнаружилась еще одна примечательная деталь. Чиновник Я. Попов в дополнение показал, что им была списана копия с письма императрицы Елизаветы Алексеевны к своей родительнице со списка, обнаруженного им у секретаря тарского окружного суда Тихонова. Впоследствии, утверждал Попов, копию он утратил. Тихонов же напрочь отверг факт знакомства с подобным письмом.

Тем не менее, указанное письмо имело хождение в Таре. Список с него также содержится в судебно-следственном деле. “Маминька. Наш Ангел на небе, а я все еще шатаюсь по земле. Кто мог подумать, чтобы я, слабая, больная женщина, когда-либо могла пережить его. Маминька, не оставляйте меня, ибо я совершенно одна в сем горестном свете. Наш драгоценный покойный, его улыбка доказывает мне то, что он теперь счастлив, и что он видит превосходнейшия вещи, нежели как здесь. В сей невозвратимой потере одно только мне остается утешение, то я его не переживу. Я надеюсь, что скоро с ним паки соединюсь.

Вам преданная дочь несчастная Елизавета”.

Сибирская губернская администрация не была склонна раздувать дело. Тобольский гражданский губернатор Д. Бантыш-Каменский самолично допрашивал Н. Семенова в собственном кабинете и “убеждениями своими” заставил того отказаться от рассказа о таинственном незнакомце в шубе и учинить добровольное признание в самостоятельном составлении письма, без участия кого бы то ни было, но и “без всякаго злаго умысла”. Писарь инвалидной команды признался, что целью сочинения было выпить чарку вина в питейном доме за выданную им новость. Подобное признание дорого стоило Н. Семенову - он был приговорен к наказанию шприцутенами (3 раза через тысячу человек) и переводу в Омский гарнизонный полк. Я. Попов, С. Романов, К. Антонов были помилованы Николаем I.

* * *

В. И. БАЙДИН
(г. Екатеринбург)

**ОБЩЕСТВО СТАРООБРЯДЦЕВ
СИБИРСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX В.
(К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ)**

В отечественной историографии, как и в современной западной, широкое распространение полу-

чили представления о чуть-ли не имманентной социально-политической пассивности дореформенной российской буржуазии. Между тем, политические инициативы “среднего сословия” проявлялись часто в конфессиональных формах и на местном региональном уровне, так как социально-экономические интересы торгово-промышленных слоев имели преимущественно-региональный характер. Не случайно общероссийские буржуазные партии возникли лишь в начале XX в.

Хорошо известно, что старообрядческие организации являлись сообществами с многообразной системой связей и функций, и не только чисто конфессиональных. Поэтому их действия нередко выходили за рамки религии и касались экономической, социальной и, в известной степени, политических сфер.

С 1816 г. старшины екатеринбургского беглопоповского общества купцы Я. Рязанов и Ф. Казанцев (первый в это время был городским головой, второй - бургомистром магистрата), при поддержке старообрядцев-владельцев, управляющих и поповщинских общин ряда крупнейших частных горно-заводских округов Урала начали многоходовую комбинацию с целью установления контактов в высших эшелонах государственной власти. В результате через два года Рязанов и Казанцев несколько раз встречались в Москве с близким к Александру I министром духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицыным, завязали с ним переписку, а Рязанов был принят императором. В Екатеринбурге 30.04.1818 г. состоялось собрание 1370 депутатов, представляющих 150 тыс. беглопоповцев 13 заводов и 39 волостей 13 уездов Пермской, Оренбургской, Тобольской губерний, утвердивших разработанные екатеринбургскими старшинами “Дополнительные правила” - проект легализации урало-сибирской беглопоповщины.

Во главе Общества старообрядцев Сибирского края (так называлась организация) должна была стоять контора в Екатеринбурге из мирян (“попечителей”), подчиненная в религиозных делах непосредственно министру духовных дел. Контора создавала бы старообрядческие приходы, руководила ими и духовенством вплоть до выдачи последнему паспортов, представляла в губернские учреждения метрические книги и т.д. Для Общества испрашивалось высочайшее покровительство, подтвержденное собой грамотой и повелением “всем начальствам... попечителям, старообрядческую контору составляющих, и всех старообрядцев от всякого стеснения охранять и по отношениям попечителей оказывать всякую помощь, защиту и покровительство”. Таким образом, реальное руководство и в религиозной жизни, и, в значительной степени, вне ее оказывалось в руках местной старообрядческой торгово-промышленной верхушки, а беглопоповщина востока России включалась в государственную структуру империи на условиях автономии.

Хотя этот проект был отложен Александром I “до разрешения впредь”, массовую организацию “старообрядцев Сибирских” власти воспринимали как общественно-политическую реальность. “Дополнительные правила” привели к появлению несколько

законодательных актов, частично удовлетворивших притязание урало-сибирских беглопоповских лидеров. Вполне “политический” характер реакции властей наглядно воплотился, в частности, в создании в феврале 1820 г. Секретного совещательного комитета по делам о расколе из нескольких высших чиновников и иерархов официальной церкви (существовал до 1858 г.). Причиной образования комитета явилось “размножение ныне числа раскольников”, которые, как отмечалось на одном из первых заседаний, потенциально “могут составить массу сильную для сопротивления”.

Александр I во время встречи в Екатеринбурге в сентябре 1824 г. с Я. Рязановым в доме последнего, констатировав подчиненность местных староверов гражданскому начальству, сделал предложение об избрании особого “архиерея старообрядцев”. Казалось, сбывалась идея, выдвинутая старообрядческой буржуазией в поисках компромисса с самодержавием еще при Екатерине II, когда по этому вопросу велись переговоры с П. А. Румянцевым и Г. А. Потемкиным. Но планы старообрядческих руководителей простирались дальше.

Сразу по воцарения Николай I увидел в урало-сибирской беглопоповской организации нечто большее, чем только религиозное объединение. В 1826 г. флигель-адъютанту А. Г. Строганову и С.Д. Нечаеву, будущему обер-прокурору Синода, поручено было провести на месте секретное расследование “причин и целей расколов”.

В свою очередь екатеринбургские старшины предложили проект из 16 пунктов “по составлению нового порядка для Сибирских старообрядцев”. Автономия, по сравнению с 1818 г., испрашивалась меньшая: беглопоповщину Урала и Западной Сибири предлагалось подчинить особому правительственному комитету в Петербурге (тому самому законспирированному комитету по делам о расколе с включением в его состав А. И. Голицына и М. М. Сперанского); подобные же комитеты должны были быть в губерниях (к трем указанным выше добавилась Томская). В Екатеринбурге предполагалось создание старообрядческого духовного правления из старшин и священников “по выбору общества”. Численность своих сторонников старшины оценивали в 200 тыс. человек; власти эту цифру никогда не оспаривали. Николай I отверг этот проект, предложив урало-сибирским беглопоповцам присоединиться к единоверию. В 1828 г. создается специальная Пермская миссия, которая “заведовала” насаждением православия и единоверия также в Оренбургской, Тобольской и Томской губерниях, т.е. на всей территории урало-сибирской беглопоповской организации;

Весьма показательная реакция властей на последнюю попытку договориться с самодержавием, предпринятую лидерами урало-сибирской беглопоповщины в 1837 г. Во время путешествия наследника престола по Уралу они реорганизовали подачу прошений с жалобами на притеснения на его имя от более чем 70 тыс. урало-сибирских старообрядцев. Одновременно с попыткой оказания давления на власти екатеринбургские купцы Я. Рязанов, В. Казанцев, И. Харитонов и др., управляющие Верх-

Исетскими и Каштымскими заводами через начальника горных заводов Урала В. А. Глинку, соглашаясь принять единоверие, оговорили ряд условий: право выбора священников, концентрацию их в Екатеринбурге, создание в лице начальника заводов промежуточной инстанции между епархиальными архиереями и единоверцами. Глинка поддержал этот план и... получил резкий выговор от Николая I. Секретный комитет по делам о расколе в этих предложениях усмотрел далеко идущие намерения и большую опасность: “у раскольников образовываться будет свое... управление, ... организовываться будут в отдельное, с особыми формами, общество, чего они и домогаются”, что в результате “будет неблагоприятно и другого рода единству (самодержавно-бюрократической форме правления - В.Б.), потому что они стремятся к формам демократическим...”.

Приведенные факты, а также деловая переписка екатеринбургских старшин и руководителей отдельных беглопоповских общин, материалы нескольких правительственных расследований однозначно свидетельствуют: на практике Общество старообрядцев Сибирского края достаточно эффективно функционировало не менее двух десятилетий. Если учесть, что самоуправление Екатеринбурга на протяжении более полувека (до 1835 г) контролировалось староверами, что их было немало в административно-судебных органах других городов региона и волостных правлениях, что, наконец, у многочисленной беглопоповской организации наличествовали отлаженные взаимоотношения, включая неформальные, с местными властями, особенно горными, - то возникает картина, которая не совсем укладывается в обычные представления о провинциальной жизни дореформенной России. Общество старообрядцев Сибирского края чем-то напоминает современную политико-религиозную организацию типа баварского Христианского-социального союза в ФРГ.

* * *

Е. Ю. АПКАРИМОВА
(г. Екатеринбург)

ОБ УРОВНЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО УРАЛА В КОНЦЕ XIX В.

Реализация Городового положения 16 июня 1870 г. привела к важным изменениям в области городского самоуправления. Реформа предусматривала ведение всеобщего избирательного права, ограниченного, однако, имущественным и возрастным цензами, цензом оседлости. Выборы в органы самоуправления (в городские думы и управы) сопровождалась серьезными трудностями. В. А. Нардова, известный специалист по истории городского управления, подчеркивает, что “проведение массовых публичных выборов путем закрытой баллотировки было для России делом новым”. В результате, пишет она, - “из-за отсутствия опыта и традиций в организации подобных выборов” в раздел Городового положения, посвященный избирательной системе, были “включены положения, которые ока-

залось трудно, а подчас и невозможно осуществить на практике, в то же время многое было просто не предусмотрено”; большие трудности были связаны с самой механикой проведения выборов. (Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х - начале 90-х годов XIX в. (Л., 1984. С.51-52).

С подобными трудностями пришлось столкнуться и городам Среднего Урала. В статье “По поводу списка городских избирателей Екатеринбурга” (Екатеринбургская неделя. 1879. 21 ноября. № 18. С.235) констатировалось, что избиратели не совсем ясно понимали те права и обязанности, которые закон (Городовое положение 16 июня 1870 г.) им предоставлял, говорилось о необходимости “в периоды избирательных земских или городских сезонов, приходиться на помощь избирателям, уясняя им круг их обязанностей и приводя на память ближайшие задачи каждого деятеля выборных учреждений”. Показательны также данные о способах ознакомления горожан со списком избирателей. С 3-го ноября 1879 г. по улицам Екатеринбурга были развешены объявления городской управы о том, что ею составлен и напечатан в 500 экземплярах список жителей города, имеющих право участвовать в выборах думских гласных на предстоящее четырехлетие; “объявлениями этими управа приглашала лиц, не получивших печатного списка, рассматривать подлинник его с 9 до 2-х часов ежедневно”. Автор статьи возмущался, полагая, что “если невозможно оповестить всех избирателей, то не следовало делать из печатных списков особенных подарков, разосланных 500 лицам, избранным из всего контингента городских избирателей, доходящего до 2718 человек”. По его мнению, “все избиратели равноправны перед законом и, стало быть, должны пользоваться равным со стороны городских властей, а то предоставлялось преимущество одному из пяти избирателей”. Очень часто выборы нарушали установленные законом правила. Решением подобных вопросов занималось особое по городским и земским делам присутствие. В таких случаях обычно назначались новые выборы.

Для городов Среднего Урала (как и вообще для российских городов) было характерно такое явление, как абсентеизм. Например, из 2118 екатеринбургских избирателей в 1879 г. к избирательным ящикам пришло всего 400 человек (примерно 15%), при этом из 64 избирателей первого разряда проголосовало только 28. По словам очевидца, ситуация объяснялась, главным образом, равнодушием горожан к “общему делу”. (Екатеринбургская неделя. 1880. 9 января. № 2. С.22-23). В этом смысле даже губернский город Пермь не был исключением. В Перми в выборах гласных на 1871-1874 гг. из 22712 жителей избирательное право получили лишь 622 человека (2,7%), в выборах участвовало 168 (27% от общего числа избирателей). В 1882 г. из 32909 жителей Перми избирателями оказалось 1941 человек (5,9%), из которых голосовало 113 (5,8% от общего числа избирателей). (Нардова В.А. Указ. соч. С.61).

Подобная ситуация сохранялась и в дальнейшем. В Екатеринбурге в выборах гласных на 1894-1897 гг. могло участвовать 263 избирателя (по сравнению с 1876 г. численность избирателей сократилась в 11